

Обаснях Ивана Андреевича Крылова не скажешь: это памятник русской литературы. Это произведения живой, цветущей до сего дня отечественной поэзии. А ведь Крылов был современником Фонвизина и Радищева, Державина и Карамзина. На их строках лежит печать достославной старины, их язык, обретавший черты нынешнего языка, все же еще далеко не крыловский, не пушкинский. Кажется невероятным, что всего лишь за двадцать лет до вступления баснописца в русскую литературу творил В. Тредьяковский, стихи которого: «Рцы, черноокая, любишь ли мя?» — для сегодняшнего читателя нужно переводить почти как стихи иностранные: «Скажи, черноокая, любишь ли меня?» И даже Г. Державин, старший современник Крылова, при всей звучной полновесности и смелой обыденности его языка, оставался все же в плену тяжелого классицизма:

Краса пирующих друзей,
Забав и радостей подружка,
Предстань пред нас, предстань скорей,
Большая сребряная кружка.

Не сочтем ли мы эти лирические строки, с тогдашим синтаксисом и фонетикой, «преданьем старины глубокой»?

И вдруг воспитанный на этих образцах И. Крылов заговорил языком, кажется, не принадлежавшим восемнадцатому веку, а взятым из будущего, пушкинского девятнадцатого, а то и из двадцатого и двадцать первого столетий:

На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да призадумалась...

.....
Ягненок в жаркий день зашел
к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится...

Чем же объяснить такое чудо? Неужели просто филологическим экспериментом, смелым употреблением в стихах просторечных слов и выражений, разговорной интонации? Нет, новаторство Крылова было не поверхностным, а глубинным.

Он не просто изменил язык русской поэзии, он дал ей широту, вывел ее из литературных салонов, обществ любителей словесности, университетских кружков на российский простор, вместивший скудные крестьянские поля, курные избы, тележные проселки, почтовые и ямщицкие тракты, губернские и уездные города. Право голоса вдруг получила простонародная Россия, ранее только сочинявшая как бы втайне и передававшая из поколения в поколение изустно сказки, былины, песни, легенды. В баснях Крылова нашел прибежище не только язык этих народных творений, но и сокровенные чувствования, мысли и надежды простого люда, его оценки событий — государственных и частных, общественных и бытовых, его нравственные постулаты, его укорененный в веках взгляд на все и вся. Это было неожиданно ново, дотоле невиданно. И это было так естественно для русской души, так присуще ей, сродненно с нею, что современник баснописца воспринял его речь, как до времени укрытое родное слово, как сокровище, всегда принадлежавшее народу, но до срока упрятанное в добрые кладовые. А вынутое на свет, оно стало незаменимым, необходимым во всякое мгновенье. По рассказам современников Крылова, после сражения русской армии под селом Красным, где Наполеон был окончательно разбит и откуда начал свое бегство из России, Кутузов прочел перед офицерами басню «Волк на псарне». При словах: «Ты сер, а я, приятель, сед, / И волчью вашу я давно натуру знаю», — Михаил Илларионович снял головной убор и выразительно указал на свои седины. Иные, более точные слова судьба едва ли могла подсказать великому полководцу...

* * *

Каждый великий русский поэт дорог нам неповторимостью, оригинальностью своей личности и творчества. В этом смысле И. Крылов вызывает не просто интерес, а изумление. Жизнь его с самого начала вобрала в себя столько неожиданных обстоятельств, редких приключений, что сама по себе могла бы стать канвой увлекательной книги.

Начнем с того, что его раннее детство прошло в местах, связанных с восстанием Пугачева. А. Пушкин, собирая материалы для своей «Истории Пугачевского бунта», счел необходимым побеседовать с Иваном Андреевичем; он оставил запись под названием «Показания Крылова (поэта)». Рассказ баснописца о своем отце Андрее Прокоровиче, капитане, служившем во времена бунта в Оренбургской губернии, помог Пушкину уточнить эпизоды, о которых не упоминалось в документах.

В четвертой главе своего исторического труда поэт написал об осаде бунтовщиками Яицкого городка и о коменданте крепости Симонове: «Симонов оробел; к счастью, в крепости находился капитан Крылов, человек решительный и благоразумный. Он в первую минуту беспорядка принял начальство над гарнизоном и сделал нужные распоряжения». Мятежники захватили городок, но не смогли взять крепости, отделенной от посада рвом и высоким валом. «Пугачев скрежетал, — повествовал Пуш-

кин. — Он поклялся повесить не только Симонова и Крылова, но и все семейство последнего, находившееся в то время в Оренбурге. Таким образом, обречен был к смерти и четырехлетний ребенок, впоследствии славный Крылов».

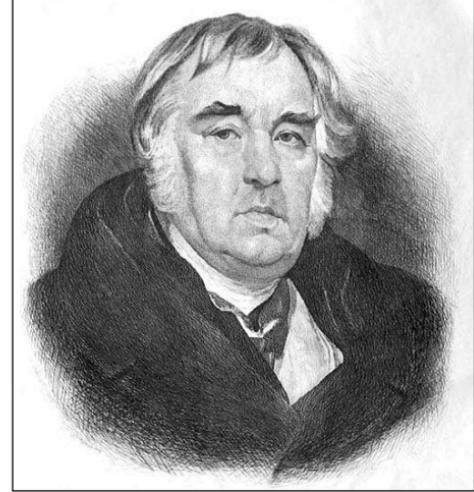
Первый публикатор записи, сделанной поэтом со слов Ивана Андреевича, Ю. Оксман выскажал предположение, что отец баснописца стал прообразом коменданта Белогорской крепости Миронова из пушкинского романа «Капитанская дочка».

Слава Богу, Андрей Прохорович избежал участия Миронова, вышел в отставку и поселился в Твери. Уже в восемь лет его сын пошел на службу подканцеляристом в уездный суд. А через два года отец умер, оставил в нищете жену и двух сыновей. Грамоту юный Крылов освоил в доме своих тверских благодетелей помещиков Н. и П. Львовых.

Тринадцати лет подканцелярист, не уведомив начальство, сбежал в Петербург и, видимо, благодаря покровительству живших там сослуживцев отца, поступил в Казенную палату. Чиновником Иван был плохим, так как уже в этом отроческом возрасте стал писать для театра и все мысли его были заняты сочинительством. К девятнадцати годам Крылов оказался автором комических опер «Кофейница» и «Бешеная семья», трагедий «Клеопатра» и «Филомела», комедий «Сочинитель в прихожей» и «Проказники», перевода текста популярной французской оперы «Инфант». Его талант высоко оценили знатоки театра — известный актер, режиссер и переводчик И. Дмитревский, популярные в то время драматические артисты П. Плавильщиков и С. Сандинов. Когда подросток Крылов пришел к петербургскому издателю и книготорговцу Брейткопфу со своей «Кофейницей», тот согласился купить ее за немалую сумму — шестьдесят рублей (в Казенной палате вундеркинд получал девяносто рублей в год). При этом немец предложил получить гонорар на выбор: деньгами или книгами. Юный автор выбрал книги. К сундуку драгоценных фолиантов, оставленных ему отцом, который сумел приобрести их в своей армейской скучной жизни, он прибавил тома Мольера, Расина и Буало.

Словом, в девятнадцать лет Иван Крылов уже был известен в театральных кругах Петербурга. Но его житейская и творческая энергия не зналадержаны. Он задумал издание, о котором сейчас можно сказать словами из пушкинской сказки: «не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку». Журналом издание назвать было нельзя, потому что это было сатирическое произведение одного автора, разбитое на ежемесячные выпуски; но и книгой с продолжением его тоже нельзя было именовать, так как на издание, как на журнал, объявлялась подписка и периодичность его гарантировалась. Журнал (так все же стали называть в литературоведении крыловское детище) именовался мудрено: «Почта духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами».

Крылов нашел чудную форму для своего сатирического романа. Вездесущие духи, от которых ничто не может укрыться ни под водой, ни под землей, ни в воздухе, рассказывают философи Маликульмульку все интересное о жизни в волшебных мирах. И тамошние порядки почему-то оказываются очень похожими на те, что царят в Российской империи. Глупость, невежество, мздоимство, казнокрадство процветают в экзотических палестинах так же, как и в привычном глазу отечестве.

Иван Андреевич Крылов

Сатирики на Руси считались опасней Пугачевых. После восьмой, августовской, книжки выпуск «Почты духов» прекратился.

Но Иван Андреевич приобрел опыт издателя. Вскоре он вместе с поэтом и драматургом А. Клушиным и упоминавшимися уже И. Дмитревским и П. Плавильщиковым основал типографию «Крылов с товарищи» и начал выпускать новый журнал — «Зритель». В газетном оповещении говорилось, что в журнале будут помещаться «как сатирические, критические, так и стихотворные сочинения, подражания и переводы». Печатались тут в основном лишь сами учредители, говоря современным языком. Но в историю русской литературы «Зритель» вошел прочно: здесь были опубликованы два произведения И. Крылова, укрепившие его славу сатирика, — язвительная «Похвальная речь в память моему дедушке...» и не менее резкая повесть «Каиб», находчиво названная автором «восточной».

Герой первого сочинения, «дедушка», имел тысячу необходимых дворянину дарований. Например, умение пересечь две тысячи крепостных «в год два-три раза с пользою». Или умение «созидать великолепные пиры», когда «на сто верст вокруг его деревень нет ни корки хлеба, ни чахотной курицы». А герой крыловской повести, восточный государь Каиб, был известен в мире тем, что «тысячи попугаев говорили в его клетках скоропостижные вирши; многие из них попугаев были красноречивее его академиков, хотя академия Каибова почиталась первою в свете потому, что ни в какой академии не было такого богатого набора плеших голов, как у него, и все они читали по толкам¹, а иногда очень четко писали к приятелям письмы... Календарь Каибова двора был составлен из одних праздников, и будни были там реже, нежели именины Касьянов»². На двести лет вперед заглянул Крылов: в России и теперь — то же самое...

Конечно, и это издание не могло долго продержаться. Его закрыли после одиннадцатого номера. Казалось, Крылова нельзя было остановить. Уже в следующем году он с А. Клушиным, теперь вдвоем, начал выпускать новый журнал — «Санкт-Петербургский Меркурий». Меркурий, как известно, бог торговли, покровитель путешественников. Он благоволил и к любителям красноречия, иносказаний. С помощью этого искусства И. Крылов продолжал говорить неприятную правду сильным мира сего. Он напечатал в журнале «Похвальную речь науке убивать время», другие сатирические произведения. На этот раз дело кончилось вызовом владельцев журнала в царский дворец и беседой с самой Екатериной II.

Императрица, напуганная французской революцией и казнью короля Людовика XVI, уже не играла роль покровительницы искусств и поклонницы Вольтера. Однако со смелыми авторами «Меркурия» она не стала поступать так, как, скажем, с Радищевым, который был сослан в Сибирь, или с Новиковым, заточенным в Петропавловскую крепость. Она явила милость, которую можно назвать изощренно хитроумной: Клушину предложила полечиться за границей, а Крылову — печатать журнал в типографии императорской Академии наук, под присмотром властей. Это было равносильно закрытию издания. Крылов лишился напарника, без которого не мог выпускать журнал, и собственной типографии, которая приносила средства для издания. «Меркурий» закатился.

Следующие десять с лишним лет Иван Андреевич жил вне столицы, отойдя от ее литературной жизни. Он принял предложение князя С. Голицына быть его личным секретарем и уехал в родовое имение этого отставного сановника, в село Казацкое на Украине. Эти годы не были для Крылова творчески плодотворными (он написал лишь одну «шутко-трагедию» «Подщипа, или Трумф»), но, возможно, именно тогда окончательно созрела его душа, определился его гений. Не получив в детстве и юности

¹ По толкам — бегло (в противоположность значению: по слогам).

² Именинны Касьянов приходятся на 29 февраля и отмечаются раз в четыре года.

систематического образования, здесь, в тиши, Крылов наверстал упущенное и явился в новом, девятнадцатом, веке человеком, равным лучшим умам той эпохи.

Современники и раньше удивлялись, как разносторонне и щедро одарила его талантами природа. Он хорошо знал не только русскую, но и зарубежную литературу. Свободно владея французским, освоив английский, немецкий и итальянский языки, Крылов прочитывал все значительное, что появлялось в европейской литературе, интересовался мировой философией и историей. Его всегда занимала словесность античная, и чуть позже он выучил древнегреческий язык, чтобы переводить Гомера.

О необычайном математическом даре его ходили легенды. О других талантах Крылова вспоминал поэт, критик и издатель Петр Плетнев: «Счастливые способности помогли ему выучиться рисовать и играть на скрипке. Лучшие наши живописцы впоследствии выслушивали суждения его о своих работах с доверенностью и уважением. Как музыкант он в молодые лета славился в столице игрою своею на скрипке и обыкновенно участвовал в дружеских квартетах первых виртуозов». Об этих концертах Александра Смирнова-Россет, с которой дружили чуть ли не все знаменитые писатели того времени, говорила: «Это был праздник наших ушей».

Но, пожалуй, только в провинции мог получить Иван Крылов то богатство, которое у писателя накапливается подспудно, незаметно и которое напитывает его творчество живыми соками. Это богатство — живописный народный язык, разнообразие и подлинность народного бытия.

Еще в Твери, по свидетельству земляков Крылова, он «посещал с особенным удовольствием народные сборища, торговые площади, качели и кулачные бои, где толкался между пестрою толпою, прислушиваясь с жадностью к речам простолюдинов. Нередко сиживал он по целым часам на берегу Волги, против платомоек, и когда возвращался к своим товарищам, передавал им забавные анекдоты и поговорки, которые уловил из уст словоохотливых прачек, сходившихся на реку с разных концов города...»

Это очень похоже на пристрастие Пушкина в дни его михайловской ссылки. Тот тоже ходил на ярмарки к Святогорскому монастырю, часами мог слушать крестьянские разговоры, любил вечера с няниными сказками и байками о старине. Приобщившись к живой и волшебной речи, он советовал позже вступающим в литературу: «Кстати, о Крылове. Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели, — вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах».

В имении Казацкое, как раньше в уральском городке, и на тверской окраине, и в петербургских предместьях, где ютились безденежные молодые литераторы и актеры, Крылов свободней чувствовал себя с простолюдинами, охотней сиживал во дворах, чем в гостиных. Его сатирический дар, проявившийся с художественным блеском в комедиях и прозаических сочинениях, соединился тут, в провинции, как живой и сильный росток, посаженный в плодородную землю, с новыми впечатлениями жизни: с неповторимыми характерами, с оригинальными чертами национального бытия, вековыми традициями, запоминающейся самобытной речью. Все это вошло потом в драматургию его басен.

Но прежде, чем мы перейдем к ним, еще раз подчеркнем: написанное Крыловым до басен — это сочинения, достойные его Божьего дара, так ярко проявившегося потом в новом жанре. Современники баснописца считали, что его гений обнаружился уже в ранних сатирических произведениях, и жалели, что Крылов оставил прозу и драматургию, в которых приближался к высочайшим вершинам.

Упоминавшийся П. Плетnev, критик глубокий, писал по этому поводу:

«Разнообразие предметов, до которых он касается, выбор точек зрения, где становится как живописец, изумительная смелость, с какою он преследует бичом своим самые раздражительные сюжеты, и в то же время характеристическая, никогда не покидавшая его ирония, резкая, глубокая, умная и верная, — все и теперь еще, по истечении с лишком полустолетия, несомненно свидетельствует, что перед вами групп

ны, постановка, краски и выразительность гениального сатирика. Крылов этим одним опытом юмористической прозы своей доказал, что, навсегда ограничившись впоследствии баснями, он опрометчиво сошел с поприща счастливейших нравописателей. Тут он и языком русским далеко опередил современников...»

* * *

А как встретился Иван Андреевич со своим звездным жанром?

В 1806 году, приехав в Москву, Крылов подружился с известным тогда баснописцем Иваном Дмитриевым. По его совету молодой драматург, прозаик и поэт (а Крылов писал и стихи — любовные мадrigалы, переложения псалмов и т.д.) перевел с французского басни Лафонтена «Дуб и Трость», «Разборчивая невеста», «Старик и трое молодых». Дмитриев нашел их очень удачными. В том же году они были напечатаны в журнале «Московский зритель». И хотя тогда же Крылов создал свои самые популярные комедии «Модная лавка» и «Урок дочкам», поставленные на сцене Петербургского императорского театра, басня стала его главным творческим увлечением. Уже через три года он выпускает первую книгу своих удивительных сочинений.

Жанр басни был одним из распространенных в русской литературе. Кто только не писал иносказательных произведений в стихах: В. Тредьяковский, М. Херасков, А. Кантемир, Д. Фонвизин, И. Хемницер, И. Дмитриев, В. Пушкин (дядя великого поэта), А. Измайлов, Н. Львов, анекдотически известный граф Хвостов и автор «непечатных» стихов И. Барков... Кажется, не было заметного стихотворца, который бы не баловался баснями. Огромную популярность имели в России произведения французского поэта Лафонтена, использовавшего в своем творчестве чуть ли не все сюжеты древнегреческих сатириков Эзопа, Федра и других. Так что Иван Андреевичступил на стезю, хорошо утоптанную стихотворцами. А на исхоженной тропе, в отличие от целины, трудней оставить свой глубокий след. Но талант руководствуется не расчетом, не здравым смыслом, а чем-то другим, ему одному ведомым.

Баснописцев был легион, а все взоры вдруг обратились на одного. Это не преувеличение. Пару лет спустя книга Крылова, дополненная новыми творениями, вышла уже двумя изданиями. В последующие годы собрание крыловских басен, пополняясь, выходило в свет все нарастающими тиражами: три тысячи экземпляров, шесть, десять... Издатели стали готовить для сочинений Ивана Андреевича черно-белые и цветные литографические иллюстрации, выбирали для этих книг первоклассную бумагу. Лучший тогда издатель и книготорговец Смирдин одним из первых понял, какой золотой рудник он может разработать, взявши за выпуск крыловских шедевров. Он пошел на то, что ошеломило и конкурентов, и писателей: купил у автора за большие деньги единоличное право издавать в течение десяти лет басни Ивана Андреевича. Сделка принесла ему огромные доходы: Смирдин выпустил за этот срок сорок тысяч экземпляров книг «русского Лафонтена», и все они быстро разошлись. Наконец, сам автор поверил в чудо своей популярности и напечатал еще двенадцать тысяч экземпляров своих сочинений, разумеется, не прогадав на этом.

Современники Крылова писали, что его читала вся Россия. Поэт К. Батюшков, находившийся на военной службе, сообщал: «...в армии его басни все читают наизусть. Я часто их слышал на биваках с новым удовольствием». И уже выйдя в отставку, в письме из Одессы просил передать Крылову: «Скажи, что басни его здесь в великом употреблении». Именно успех сатирика заставил А. Пушкина сказать: «Басни... читают и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горничная, и дети». Без чародея жанра тут, конечно, не обошлось.

Но в чем же притягательность крыловских басен, заставившая Россию покупать их нарасхват, привившая к ним внимание вельможи и ямщика, старого мещанина и дворянского отрока?

Поэты — современники Крылова — сочиняли иносказательные, нравоучительные стихотворения (так определяет слово «басня» толковый словарь) согласно правилам того времени — рассудочно, часто тяжеловесно, сложившимся к той поре языком. Крылов же создал принципиально новый вид басни: подлинно народный, живо и достоверно передающий особенности мышления и речи простого мужика. В крыловской басне все: и приметливость, и лукавство, и соленая шутливость, и немногословие русского крестьянина — явилось в незамутненной подлинности, характерности, привлекательности.

Давайте сравним то, что сочинялось до Крылова и в его пору, с образцами Ивана Андреевича. Вот Антиох Кантемир, басня «Ястреб, павлин и сова»:

Говорят, что некогда птичий воевода
Убит был, на его чин из воздушного рода
Тroe у царя Орла милости просили,
Ястреб, Сова и Павлин, и все приносили,
Чтобы правость просьбу явить,
правильны доводы.

Ястреб хвастался своей храбростью, Павлин — пригожестью перьев, а Сова — неиздревностью ока. Орел выбрал на воеводство Сову. Ее ночное бденье показалось царю птиц предпочтительнее и смелости, и внешней красоты двух других претендентов. Заканчивается басня назидательным выводом:

Таков воевода:
Годен к безопасности целого народа.

Приведу еще одну басню, на этот раз Ивана Хемницера, считавшегося мастером такого жанра. Его сочинение называется «Лев, учредивший совет».

Лев учредил совет какой-то, неизвестно,
И, посадя в совет сочленами слонов,
Большую часть прибавил к ним ослов.
Хотя слонам сидеть с ослами несовместно,
Но Лев не мог того числа слонов набрать,
Какому прямо надлежало
В совете этом заседать.

.....
Он вот как полагал
И лъстился:
Ужли и впрямь, что ум слонов
На ум не наведет ослов?
Однако, как совет открылся,
Дела совсем другим порядком потекли:
Ослы слонов с ума свели.

Ясно, что здесь нет тех поэтических достижений, которыми отмечены басни Крылова. Нет живой разговорной интонации, сочности и меткости языка, звучной аллитерации. И самое главное — нет того нравственного, духовного начала, которое не только проверено житейским, бытовым опытом народа, а словно бы вызревло в русском сознании за многие столетия, стало правилом души, чертой национального характера. Все это есть у Крылова. И для примера не нужно выбирать какую-то характерную басню, бери любую, ставшую классической. Скажем, вот эту:

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ
Осел увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерице.
Хотел бы очень я

Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Зашелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и певцу Авроры:
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставись в землю лбом:
«Изрядно, — говорит, — сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что не знаком
Ты с нашим петухом;
Еще б ты боле навострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.
Избави, бог, и нас от этаких судей.

По этой басне, как и по десяткам других, можно хорошо представить, в чем мастерство Крылова. Тут чудесно нарисован «характер» главного героя. Видишь на месте Осла надутого, считающего себя непогрешимым человека, может быть, чиновника, который « управляет » искусством. Его тон в разговоре с певцом полей — покровительственный, барский, его «ослиные» суждения — невежественны, глупы. В отличие от рассудочных строф других баснописцев стихи Крылова дышат подлинной поэзией. Рассказ о том, как Соловей «являет свое искусство», написан великим мастером:

То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.

В двух первых строках частое повторение буквенных сочетаний «ел», «ев», «ся», «ле», «ель», «ал» словно воспроизводит звуки свирели, тонкие и нежные; наоборот, третья строка с ее сочетаниями «др», «др», «ро», «ра» похожа на музыкальную «дробную» россыпь.

И так — во многих баснях. Недаром актеры вот уже двести лет с упоением исполняют басни Крылова — есть возможность показать свое искусство во всем блеске!

* * *

В разговоре о басне общим местом стала тема: бродячие сюжеты. В жанре назидательного стихотворения они особенно часты. Начав с переводов басен Лафонтена, И. Крылов затем и в собственных, оригинальных сочинениях этого жанра нередко использовал сюжеты, восходящие к притчам древнегреческих мудрецов. Предосудительно ли это?

Бродячие сюжеты известны и в других родах мировой литературы — прозе и драме. Достаточно вспомнить наиболее широко известные примеры — историю доктора Фауста или похождения ловеласа Дон Жуана. Что касается баснописцев разных эпох и стран, то они особенно охотно использовали сатирические сюжеты, пришед-

шие из глубины веков. Может быть, потому, что предшественники очень зорко подметили ситуации, в которых проявляются типичные пороки человеческой души: жадность, невежество, низкопоклонство, трусость и т.д. Стоило ли выдумывать анекдотические положения, позволяющие живописно и образно представить в смешном свете порок, если они уже найдены мировой литературой?

На первый взгляд, кажется, что такое заимствование похоже на обработку чужого текста и, следовательно, произведение нельзя назвать самостоятельным. Однако под пером национального поэта, настоящего мастера слова смешной случай, описанный литератором другой земли и другой эпохи, преображается, обрастает подробностями, которые характерны для природы, народного характера, традиций и быта этой, уже иной страны. Анекдот тот же, а весь колорит другой. Достаточно сравнить басни Эзопа, Лафонтена и Крылова, имеющие схожие сюжеты, чтобы увидеть это.

Возьмем нравоучительную историю Эзопа «Ворон и Лисица»: «Ворон унес кусок мяса и уселся на дереве. Лисица увидела, и захотелось ей заполучить это мясо. Стала она перед вороном и принялась его расхваливать: уж и велик он, и красив, и мог бы получше других стать царем над птицами, да и стал бы, конечно, будь у него еще и голос. Ворону и захотелось показать ей, что есть у него голос; выпустил он мясо и закаркал громким голосом. А лисица подбежала, ухватила мясо и говорит: «Эх, ворон, кабы у тебя еще и ум был в голове, — ничего бы тебе больше не требовалось, чтобы царствовать». Басня уместна против человека неразумного» (Перевод М. Гаспарова).

Можно ли утверждать, что Крылов в своей басне «Ворона и Лисица» сделал всего лишь перевод или обработку эзоповского текста? Разумеется, нет. Тут и доказывать, в общем-то, нечего. У Эзопа — назидательная притча, некая канва для художественного произведения. Древнегреческий автор не придает особого значения художественным деталям; его слог, по-современному говоря, информационный — экономно лаконичный и точный. Сила притчи — в ее мудрости, непререкаемой истинности.

Не то у Крылова. Его басня «Ворона и Лисица» — это маленькая пьеса, в которой действуют очень колоритные, легко узнаваемые в жизни персонажи. У них, как и у людей, есть собственные черты характера, есть слабости и пороки, которые и стали объектом осмения. Описывая поведение персонажей, автор поступает как подлинный мастер: он ищет точные и яркие мазки, чтобы выпукло показать и живую индивидуальность своих героев, и их типичность.

Мы уже убедились в художественном мастерстве Крылова, ведя речь о басне «Осел и Соловей». Продолжить этот разговор дает повод и басня «Ворона и Лисица». Вспомните, как, сладко сюсюкая, Лисица уговаривает Ворону подать голос:

Спой, светик, не стыдись!
Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерница,—
Ведь ты б у нас была царь-птица!

Подобрать так виртуозно свистящие и цокающие слова, передавая елейный монолог Лисицы, может только редчайший мастер. Как, впрочем, и найти звуковую окраску вороньего «голоса»:

Ворона каркнула во все воронье горло...

Четырежды повторенное «ор» и «ар» — это как эхо; каркнула-то глупая Ворона один раз, а эхо летит долго и гулко. Оно еще звучит в ушах, а мы уже знаем — из энергичной заключительной строки — конец всей истории:

Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

После чтения любой басни Крылова художественно нарисованная картина стоит перед глазами, и ее смысл, подсказанный ею вывод становится итогом наглядного

урока, увиденной поучительной сцены. Вот и здесь, в этой басне, после живой сцены надолго, может быть, навсегда, запомнишь главные строки:

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна;
но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Что касается Лафонтена, то он, заимствуя сюжеты у античных авторов, тоже стремился оживить рассказ, широко использовал художественные средства, чтобы ярко нарисовать действие, его участников. Многие критики в России считали, что нашим переводчикам не удавалось во всем очаровании передать поэтические достоинства басен Лафонтена, его изящную, легкую, остроумную речь. Но при сравнении двух классиков — французского и русского — важно посмотреть даже не на художественные достоинства сочинений того и другого (несовершенный перевод из Лафонтена может затушевывать эти достоинства), а на дух басен, на их национальную самобытность. Прочтите короткую басню француза «Осел и Воры».

Украв вдвоем Осла, сцепились два Вора.
«Он мой!» — кричит один. «Нет, мой!» —
В ответ ему вопит другой.
До драки вмиг дошла их ссора:
Гремит по лесу шумный бой,
Друг друга бьют они без счету и без толку;
А третий Вор меж тем,
подкравшись втихомолку,
Схватил Осла за холку
И в лес увел с собой.
Не так же ль точно часто поступают
Державы сильные со слабою страной?
Из-за нее заводят спор между собой,
Одна другую в битвах поражают,
И обе ничего не достигают;
А третий кто-нибудь без шума и хлопот
Добычу их себе берет.

(Перевод неизвестного автора)

Для нашего сравнения я выбрал у Крылова тоже характерную сценку — басню «Два мужика». Думаю, она очень русская — и по колориту, и по жизненной достоверности.

«Здорово, кум Фаддей!» —
«Здорово, кум Егор!»
«Ну, каково, приятель, поживаешь?»
«Ох, кум, беды моей, что вижу, ты не знаешь!
Бог посетил меня: я скжег дотла свой двор
И по миру пошел с тех пор».
«Как так? Плохая, кум, игрушка!»
«Да так! О рождестве была у нас пирушка;
Я со свечкой пошел дать корму лошадям;
Признаться, в голове шумело;
Я как-то заронил, насилиу спасся сам;
А двор и все добро сгорело.
Ну, ты как?» — «Ох, Фаддей, худое дело!
И на меня прогневался, знать, бог:
Ты видишь, я без ног;
Как сам остался жив, считаю, право, дивом.
Я тож о рождестве пошел в ледник за пивом,
И тоже чересчур, признаться, я хлебнул
С друзьями полгуря;

А чтоб в хмелью не сделать мне пожару,
Так я свечу совсем задул:
Ан бес меня впотьмах
так с лестницы толкнул,
Что сделал из меня совсем не человека,
И вот я с той поры калека». —
«Пеняйте на себя, друзья! —
Сказал им сват Степан. —
Коль мольвить правду, я
Совсем не чту за чудо,
Что ты сожег свой двор, а ты на костылях:
Для пьяного и со свечкою худо;
Да вряд, не хуже ль и впотьмах».

Уже эти басни Лафонтена и Крылова убеждают, как точен и мудр был А. Пушкин в своей оценке двух поэтов: «...ни один француз не осмелился кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочтить ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие... есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов».

* * *

Пожалуй, наиболее подробно и душевно о творчестве Крылова написал Петр Плетнев, близко знавший баснописца. Из большого очерка критика приведу отрывок, выделяющий, по-моему, самое существенное: «В Крылове мы видели перед собой верный, чистый, совершенный образ Русского. Его индивидуальную духовность всего точнее можно уподобить слитку самородного золота, нигде не проникнутого даже песчинкой постороннего минерала. Этую, может быть, единственную в своем роде натуру воспитание, обстоятельства жизни, связи и отношения, влечения вкуса и — без сомнения, всего более — ясный ум образовали так полно, твердо и высоко, что во всех явлениях, даже в каждом элементе ее деятельности, все типически выражало русский мир. До чего ни прикасалась, на что ни взглядала, чем ни отзывалась духовность человека, так счастливо образовавшегося и окрепшего в убеждениях, все в ее могучем слове являлось истинным, точным и полным. Внутренний мир Крылова до такой степени хранил тождество с внешностью, окружавшую его; художнический ум его в такой тонкости постигал легчайшие оттенки и особенности русского смысла, положений, привычек, языка, звуков, красок, ощущений и духа, что слово его, с появления в голове до последней обстановки в поэтическом создании, каждым движением, каждою чертою в совершенстве выполняло свое призвание».

В самом деле, перечитайте подряд басни «Демьянова уха», «Рыбья пляска», «Волк на пасарне», «Стрекоза и Муравей», «Лебедь, Щука и Рак», «Квартет», «Ворона и Курица», «Кот и Повар», «Тришキン каftан», «Крестьянин и Работник» и множество других, с детства полюбившихся нам, — и перед вами встанет «русский мир», с нашими нравственными, душевными изъянами, неразрешенными за века проблемами, не искорененными дурными привычками, глупыми порядками, служебными пороками; но и — с признанными достоинствами, бесчисленными талантами, беспримерным великодушием, неизменной самоиронией. Тут, как на ладони, — вся наша духовная, общественная, государственная жизнь, увиденная острым взглядом насмешливого писателя.

Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, —
судить не нам;
Да только воз и ныне там.

(«Лебедь, Щука и Рак»).

.....

«...Чтоб было впредь плутам и страшно,
и опасно —
Так утопить ее в реке». — «Прекрасно!» —
Кричат судьи. На том решили все согласно,
И Щуку бросили — в реку!

(«Щука»)

Во всех баснях Крылова нравственная оценка автором того, что рассказано, — народная. Поставьте эти басни в один ряд с русскими сказками, былинами, сюжетными песнями — вам непременно покажется, что они поведаны одним рассказчиком, мудрым, много повидавшим в жизни и о многом передумавшим старцем. И герои-то всех этих народных повествований и песен во многом схожи, будто вылеплены одиними руками и из одного теста: хитроумная лиса и доверчивый журавль, нахальный волк и беззащитный ягненок, степенный слон и драчливая моська. Но читая остроумные истории о них, мы все же, прежде всего, любуемся создателем этого сказочно-го царства, кудесником с добрым, все понимающим сердцем. Иван Тургенев спра-ведливо заметил, что «инострaneц... изучивший басни Крылова, будет иметь более ясное представление о русском национальном характере, чем если прочитает множество сочинений, трактующих об этом предмете...»

* * *

Иван Андреевич и сам являл собою чисто русский характер, без мелких и случай-ных штрихов, затемняющих его суть. О Крылове можно было сказать: писатель с рус-ским характером. Он любил публичную сатиру и не жаловал застольных, пусть и спра-ведливых, обличений, так похожих иногда на сплетни. Рассказывали, что, когда на званом обеде остряки начали читать свои «домашние» эпиграммы на сановников, Иван Андреевич встал и ушел. Изощренно язвителен и безоглядно смел в своих сати-рических сочинениях, он с простодушной хитрецой или откровенным плутовством увиливал от прямого ответа тем, кто хотел услышать его оценку своего или чужого произведения. Характерен один разговор А.Пушкина с ним по поводу только что опубликованной трагедии «Борис Годунов».

— Признайтесь, — с улыбкой обратился к Крылову Александр Сергеевич, — что моя трагедия вам не нравится?

— Нет, не могу сказать этого, — ответил баснописец. — В своем роде она очень хороша. Один проповедник говорил, что все в мире совершенно. «Неужели вы то же скажете и обо мне?» — спросил его горбатый. «А почему же нет. Для горбатого вы очень хороши».

Он был неприхотлив в быту и, будучи всю жизнь неженатым, не стремился к удоб-ствам или роскоши. У него не было непременного для литератора письменного стола; он сочинял, полулежа в кровати или примостясь к столику.

Иногда, встягиваясь, он осматривал свое жилье критическим оком и решал, что его нужно «облагородить». Так, однажды Иван Андреевич купил модную горку крас-ного дерева, прекрасный английский ковер; приобрел богатый столовый сервиз, много г редкого фарфора и хрусталя; вставил картины в новые дорогие рамы. И что же? Че-

рез несколько дней на ковре уже был насыпан овес; его клевали голуби, залетавшие в открытые форточки с Гостиного двора. При входе человека в комнату птицы взлетали и сбивали крыльями хрусталь и фарфор.

Ирония Крылова была направлена, прежде всего, на себя. Он знал, что иные его привычки и поступки выглядят смешными или забавными со стороны, но ничего не делал для того, чтобы избавиться от первых и не совершать вторых.

Ему было чуждо самомнение. Рано, смолоду, получив литературную известность, а в зрелые годы — национальную славу, Крылов никогда и нигде не подчеркивал своих заслуг; наоборот, на людях старался быть незаметней. Искренне удивился он, когда в чужом саду няня показала детям на проходившего мимо баснописца и они закричали: «Дедушка Крылов!» Большие тиражи своих книг он объяснял по-своему: «Басни читают дети, а они не берегут книг, рвут их. Приходится допечатывать». Когда у него, престарелого, спросили, почему он больше не пишет басен, Иван Андреевич ответил: «Пусть лучше меня упрекают, почему я не пишу, чем слышать сожаление, зачем я еще пишу».

Его шутки повторял художественный и чиновный Петербург, где недостатка в остряках не было. У Крылова остроумное словцо гнездилось на кончике языка, и оно мгновенно срывалось в подходящих случаях. Стоит привести несколько острот баснописца, которые в старину называли анекдотами.

Однажды солидного Крылова нагнали на улице два торопливых студента. Обходя его, один вполголоса сказал другому: «Смотри, туча идет!» — «И лягушки заквакали», — незамедлительно добавил Иван Андреевич.

Знаменитая актриса Е. Семенова выбрала для своего бенефиса комедию «Урок дочкам» и пригласила на роль второй дочки свою приятельницу оперную певицу С. Саймолову. Обе исполнительницы были материами семейств и, как выразился современник, «довольно объемистой полноты». После спектакля кто-то спросил Крылова о его впечатлении. Он ответил: «Название комедии следовало переменить. Это был урок не дочкам, а бочкам».

Какой-то помещик с Волги живописал в присутствии Крылова, каких стерлядей ловят в его родных местах. «Раз мои люди, — возбужденно рассказывал волжанин, — вытащили стерлядь длиной... вы не поверите, отсюда... — он положил левую руку на край стола и потянулся правой к другому, дальнему, краю, — и до...» Иван Андреевич схватил стул под собой и торопливо промолвил: «Позвольте, я отодвинусь, чтобы пропустить вашу стерлядь...»

Он не изменял себе даже в беседах с царствующими особами. Квартира баснописца располагалась в доме императорской Публичной библиотеки, недалеко от царского Аничкова дворца. Однажды Николай I встретил Крылова на Невском проспекте.

— А, Иван Андреевич! — воскликнул он. — Каково поживаешь? Давно не виделись мы с тобою!

— Давненько, ваше величество, — ответил Крылов, — а ведь, кажись, соседи!

Но смелость любого писателя, конечно, не в остротах при разговоре с сильными мира и не в дерзости поступков. Она — в остроте и правде его сочинений. И.А. Крылов как раз был из таких писателей: он имел характер независимый, смелый, даже дерзкий.

В его баснях, к примеру, часто присутствовал царь зверей — Лев. В одной из них, «Лягушки, просящие царя», жительницы болот, которым надоело «народное правление», попросили небесного царя Юпитера прислать им земного властителя. Крылов описывает его восхождение на престол очень уж непочтительно:

Летит к ним с шумом Царь с небес,
И плотно так он треснулся на царство,
Что ходенем пошло трясинно государство...

А надо напомнить, что незадолго до появления этой басни, в марте 1801 года, вот так же шумно «треснулся на царство» молодой Александр I: с его согласия дворцовые заговорщики убили ночью его отца, Павла I, освободив трон для сына.

В другой басне, «Мор зверей», его величество Лев каётся, что драл овец и даже пастухов. Но придворная Лисица утешает:

«О царь наш, добрый царь!
От лишней доброты, —
Лисица говорит, — в грех это ставишь ты...
.....
Поверь, что это честь большая для овец,
Когда ты их изволишь кушать...»

В третьей, «Рыбьей пляске», венценосный Лев видит, как его подданные, на этот раз Рыбы, боятся на горячей сковородке.

«Да отчего же, — Лев спросил, —
скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?»
«О мудрый царь! —
Мужик ответствовал, — оне
От радости, тебя увида, пляшут».

Это вам не анекдот в застольном кругу, это публичный удар сатирическим хлыстом.

А в басне «Воспитание Льва» автор вообще неслыханно дерзко вмешивается в царские дела. Домашние воспитывают Львенка Орлом (вся империя знала, что наследника в эти годы воспитывал швейцарец Лагарп). Баснописец позволяет себе прочитать «домашним» такое нравоучение:

...важнейшая наука для царей:
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

Современники Крылова хорошо знали подоплеку его басни «Квартет». В начале 1811 года царь создал Государственный совет, в который вошли графы Аракчеев, Мордвинов, Завадовский и князь Лопухин. Этот квартет, как и крыловский, который составили:

Проказница Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка, —

никак не мог начать сложенную работу. Приговор баснописца:

А вы, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь, —

стал общественной оценкой верховному органу государственной власти.

* * *

Словом, И. Крылов никогда не забывал, что сатира должна быть разящей и служить пользе Отечества. Его басни одинаково лишали покоя и плутня из низов, и бездельника-вельможу, и придворную чернь, и самого царя. А силу его строкам давало качество, которого в такой полноте не было ни у одного современного ему писателя, — народность его творчества. В любом тогдашнем жанре — оде и балладе, сатирической притче и элегии, сентиментальном романе и трагедии, так блестательно

представленных Г. Державиным, В. Жуковским, Н. Карамзиным и другими крупнейшими писателями, в любом жанре русское всего лишь выглядывало из-под чужих литературных форм, еще не осознав себя до конца, не проявив себя во всей красоте. И лишь в творчестве Крылова народность литературы впервые проявила глубоко и всесторонне.

Посмотрите, сколько мудрых, отточенных, поэтичных пословиц и поговорок внес баснописец в нашу национальную сокровищницу; одно это — ярчайший показатель народности его творений: «И в сердце льстец всегда отыщет уголок»; «А ларчик просто открывался»; «Услужливый дурак опаснее врага»; «По мне уж лучше пей, да дело разумей»; «Кто в лес, кто по дрова»; «У сильного всегда бессильный виноват»; «Ай, Моська! знать, она сильна, что лает на Слона!»; «Избави, бог, и нас от этаких судей» и т.д., и т.д.

Когда-то В. Белинский размышлял над вопросом: почему Крылов — народный поэт? Ответ критика был таким: «...в его баснях, как в чистом, полированном зеркале, отражается русский практический ум, с его кажущеся неповоротливостию, но и с острыми зубами, которые больно кусаются; с его сметливостию, острою и добродушно-саркастическою насмешливостию; с его природною верностию взгляда на предметы и способности коротко, ясно и вместе кудряво выражаться. В них вся житейская мудрость, плод практической опытности, и своей собственной, и завещанной отцами из рода в род. И все это выражено в таких оригинально русских, не передаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах... что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении... Слава Крылова все будет расти и пышнее расцветать до тех пор, пока не умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского».

Прошло более двухсот лет, и мы, потомки, можем уверенно подтвердить это предвидение.

